

УДК 94(37).08

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.6>В. А. Конопаткин
А. М. Скворцов

ТИТУЛАТУРА ИМПЕРАТОРОВ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ III – СЕРЕДИНА V ВВ.)

В последние годы у самых разных исследователей наблюдается повышенный интерес к феноменам, непосредственно связанным с социокультурным способом властвования. Однако в отечественной историографии пристальному изучению в этом ключе подвергается лишь эпоха средневековья, а античность же остается практически без внимания. Кроме того, современные историки, разрабатывающие концепцию «Поздней античности», первоначально делали акцент на культурной, религиозной и социальной сферах позднеантичного общества, а политическая и институциональная история их мало интересовала. В результате, сложилась нехватка исследований по этим вопросам. Рассмотрение титулатуры римского императора позволяет восполнить обозначенные пробелы.

Авторы на основании анализа комплекса нумизматических и эпиграфических источников выявляет процесс трансформации титулатуры римских императоров, составляющих ее элементов в III–V вв. Делается вывод о постепенном исчезновении титула *imperator*, мало использовавшемся уже при наследниках Константина. Основным титулом становится *dominus noster*, который

все чаще включался в официальное имя с III в. Также отмечается поэтапное исключение победных аккламаций, эпитетов *pious*, *felix*, *invictus*, упоминания республиканских должностей, титула *Caesar*. Однако наблюдается появление оборота *victor et triumphator*, а также эпитетов *semper* или *perpetuus* к титулу *augustus*.

Обозначенные изменения в титулатуре объясняются авторами смещением акцента с возвеличивания личности императора при помощи конкретных эпитетов на подчеркивание обезличенного и абсолютного характера императорской власти, выраженной в театрализованных ритуалах Поздней античности.

Ключевые слова: Поздняя античность, титулатура римских императоров, поздняя Римская империя, репрезентация власти, политическая имагология, титулатура.

Для цитирования: Конопаткин В. А., Скворцов А. М. Титулатура императоров Поздней Римской империи (конец III – середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 214–223. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.6

Vladislav A. Konopatkin
Artem M. Skvortsov

TITLES OF THE EMPERORS OF THE LATE ROMAN EMPIRE (LATE III–MID V CENTURIES)

In recent years, a number of researchers have paid increased attention to the phenomena directly related to the sociocultural mode of ruling. However, in the domestic historiography only the Middle Ages (e.g. Boitsov, Polskaya, Voskoboynikov, Khachatryan) are closely studied in this aspect, while antiquity remains without researchers' attention, although it is the basis of the formation of medieval monarchies. Moreover, modern historians developing the concept of «Late Antiquity» originally focused their attention on the cultural, religious and social spheres of Late Antique society, while they were little interested in the political and institutional history of the Late Roman Empire, and accordingly there was a lack of research on these issues. Consideration of the titles of the Roman emperor allows us to bridge the mentioned gaps observed in historiography.

Based on the analysis of a set of numismatic and epigraphic sources dating from the 3rd to 5th centuries, the author shows changes in the titles of Roman emperors during this period. In particular, a conclusion is made about the gradual disappearance of the title *imperator*, which already under the heirs of Constantine almost ceased to

be used. At the same time the main title becomes *dominus noster*, which was gradually included in the official name since the emperors of the III c. There is also a gradual disappearance of victory acclamations, epithets *pious* *felix* *invictus*, references to republican posts, and the title *Caesar*. However, we observe the appearance of the word *victor et triumphator* and the addition of the epithets *semper* or *perpetuus* to the title *augustus*.

These changes in the titles are explained by the shift in emphasis from the exaltation of the emperor's personality with the help of specific epithets to emphasizing the impersonal and absolute character of imperial power, expressed in the theatrical rituals of Late Antiquity.

Key words: Late Antiquity, titles of Roman Emperors, Late Roman Empire, Representation of Power, Political Imagology, Titulature.

For citation: Konopatkin V.A., Skvortsov A.M. Titles of the emperors of the late Roman Empire (late III–mid V centuries) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 214–223. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.6

Под титулатурой в данном случае понимается языковая абстракция, применяемая для обозначения статуса лица. Этот социокультурный феномен распространяется через письменный и устный язык в виде совокупности форм обращений, представляющих властные и социальные связи между правителем и аудиторией, на которую ориентирована власть носителя титула [17, р. 94].

Титулатура существует преимущественно в обществах со сложным уровнем организации, где она функционирует в символическом и коммуникативном пространстве, внутри которого и реализуется власть. Для устоявшихся социальных институтов конструируется властная терминология, которая кодифицирует в определенных словах содержание социокультурных и властных практик. Рассмотрение титулатуры имеет смысл по ряду причин. Во-первых, это очень удобный исходный пункт для изучения сущности императорской и любой другой монархической власти; во-вторых, титул, как правило, очень четко выражает идеологическое и правовое положение его носителя [4, с. 166].

Монетная чеканка и эпиграфика являются основными источниками по изучению титулатуры императоров. Нумизматика содержит следы государственной политики, выраженной в используемых на монетах лозунгах, образах и титулах [1; 43]. Эпиграфика, с одной стороны, отражает официальное наименование императора, а с другой, показывает особенности восприятия власти императора «снизу» [13; 23].

В историографии вопрос о характере и содержании «тронного имени» императора поднимался нечасто, и можно говорить о недостаточности исследований в области анализа изменений в императорской титулатуре на протяжении Поздней античности. В зарубежной историографии долгое время преобладала тенденция видеть в III – V вв. процесс абсолютизации власти. Истоки такого взгляда относятся к Э. Гиббону, указывавшему на исчезновение упоминания республиканских должностей из императорской титулатуры уже при Диоклетиане [3, с. 536]. Т. Моммзен, продолжая эту линию, подчеркивал отражение в ней монархических черт властвования [10, с. 419]. Позднее исследователи стали обращать внимание на отдельные элементы титулатуры правителей. Например, П. Кнайсл изучал победные титулы римских императоров [37]. Историки второй половины XX в. – М. Пичин [49], С. Коркоран [24], Д. Кинаст [36] и др. – пытались определить наборы титулов, характерных для отдельных императоров. Однако в этих исследованиях зачастую не ставилось в качестве задачи определение места титулатуры в системе репрезентации императорской власти. В этом смысле знаковым является обзорный труд по Поздней античности под авторством А. Деманта «Поздняя античность. Римская история от Ди-

оклетиана до Юстиниана (284–565 гг. н.э.)», где дается краткий обзор императорской титулатуры, подчеркивается её сакральный характер и связь с эллинистическими традициями империи [25].

В отечественной историографии вслед за Т. Моммзеном и Э. Гиббоном в появлении титула *dominus* долгое время видели свидетельство начавшегося процесса подчинения римских граждан императорам. Такой точки зрения, в частности, придерживался правовед И. А. Покровский [12, с. 208]. Для данного исследования представляются важными две работы А. Б. Егорова: это статья, посвященная «тронному имени» римских императоров, в которой дается характеристика основных титулов правителей эпохи принципата [4] и его же пособие, посвященное Поздней Римской империи, где большое внимание уделяется титулатуре августов [5]. Историк настаивает, что наличие титула *dominus* в Поздней античности свидетельствовало о такой же степени подчинения римских граждан императору, как раба своему хозяину. В этом ключе интересна статья А. В. Коптева, в которой оспаривается традиционный взгляд на значение титула *dominus* [7].

Титул *dominus*, занявший крепкое положение в официальном имени августов уже в III в., дал основания историкам считать, что именно этот элемент в Поздней империи приобрел характер основного и обозначил тенденцию к абсолютизации власти императора [2; 32; 45]. Однако действительно ли его наличие свидетельствовало о политическом повороте и насколько значимым оказалось это имя в системе титулов императора? Первоначально слово *dominus* (господин, хозяин, распорядитель) использовалось в частном праве и обозначало отношения между рабом и господином, то есть подразумевало некоторое подданство и зависимость одного лица от другого [12, с. 208]. В таком ключе император, будучи «господином», имел в подданстве всё население империи и мог свободно распоряжаться им на правах своей власти.

Однако Э. Дики, проведя филологический анализ корпуса латинских литературных источников императорского периода пришла к выводу, что раб к своему господину не обращался через слово «*domine/a*». В республиканское время оно использовалось в эротическом контексте в общении между любовниками, затем стало употребляться при обращении к *pater familias*, что свидетельствовало об уважительном отношении и семейной привязанности. Уже в эпоху принципата форма «*domine*» могла быть употреблена в адрес любого римского гражданина, при этом подразумевалась мягкая вежливость по отношению к нему. Большинство примеров использования *domine* (т.е. в форме *Vocativus*) при обращении к императорам напрямую не связано с использованием этого слова в качестве императорского титула, но часто встречается [26, р. 99].

Таким образом, сомнительно, что наличие у императора в титулатуре слова «dominus» подразумевало обязательно выражение подданничества населения Римской империи, как об этом писала, например, Е. М. Штаерман [15]. Более убедительной, на наш взгляд, представляется версия А. В. Коптева, в соответствии с которой, император, обладая правом носить титул «dominus», мыслился не господином сограждан, а центральной фигурой гражданского коллектива, формальным представителем всего населения империи, *pater familias* для всех граждан [7, с. 182, 185].

Известно, что уже Домициан требовал именовать себя *dominus et deus* (Suet. Domit., 13), желая обрести неограниченную власть. Впрочем, его замыслы не воплотились в реальность. А. Б. Егоров пришёл к выводу, что этот титул употреблялся уже при Антонинах, а при Северах стал одним из основных [5, с. 85]. А Диоклетиан, по мнению И. О. Князького, использовал его, чтобы не быть похожим на простого смертного [6, с. 56].

Однако, проанализировав более подробно роль данного титула в период правления Диоклетиана, становится ясно, что довольно часто слово *dominus* встречается в надписях (EDCS-03000085, HD001202, CIL Ш 324, HD002197), но не обособленно, а чаще всего совместно с традиционными титулами, такими как *imperator caesar augustus*. Таким образом, здесь прослеживается совмещение традиционных элементов титулатуры с новым. В то же время титул *dominus noster* почти никогда не чеканился на монетах, уступая традиционным именам императора (*imperator caesar augustus*), – это свидетельствует об осторожном включении нового титула в официальное имя августа, а также о том, что титул *dominus* не был основным, поскольку в ином случае он бы выделялся на фоне остальных имен, и уж тем более довольно часто встречался бы на монетах.

Однако уже при Константине становится заметна тенденция, о которой сообщает А. Б. Егоров: титул *dominus noster* постепенно вытесняет все остальные элементы и всё чаще фигурирует без сопровождения других [5, с. 111]. В этой связи характерны следующие надписи: из Кампании (EDCS-03000087), из Афин (EDCS-24701347), из Африки (EDCS-75200007), Азии (EDCS-05300002), Иллирии (CIL III 197). В них император имеет только титул *dominus noster* и *augustus*. Подобная комбинация получила широкое распространение при Константине. Показательная надпись из Галатии, в которой отмечены императоры Траян, Адриан, Диоклетиан и Максимиан – все они имеют традиционный оборот в титулатуре, однако Константин уже называется только *dominus noster* (EDCS-17100168).

Наследники Константина, время правления которых пришлось на 337 – 361 гг., ещё при жизни отца имели право носить титул *dominus noster*

(HD000890). Это свидетельствует как о попытках установить наследственную власть, так и о том, что сыновья Константина, именовавшиеся сыновьями божественного, в титулатуре старались всячески указать на свое родство с великим отцом (HD002022). При этом они продолжили линию, обозначившуюся при Константине, по повышению значимости титула *dominus noster* среди прочих. Но выделяется у наследников Константина новый характерный оборот: *dominus noster victor ac triumphator semper augustus* (наш господин победитель и триумфатор вечный август) (HD027266). Упоминание титула *dominus noster* также приобрело широкие масштабы в нумизматике: аббревиатура DN на монетах встречается довольно часто в первой половине IV в. (RIC VII 30, RIC VII 12; RIC VII 60; RIC VII 49; RIC VII 232; RIC VII 174), а во второй половине этого же века она содержится почти на каждой монете (RIC IX 11f, RIC IX 6d, RIC 34d4 etc.).

Во времена правления династии Феодосия каких-то заметных изменений не произошло. Основным титулом императора остается *dominus noster*. Это обозначение встречается повсеместно как на Востоке, так и на Западе: в надписях (HD000055; CIL III 572; CIL III 736; ILCV 0307) и на монетах (RIC X 407; RIC X 213; RIC 2018).

Титул *imperator* обозначал командующего, носителя *imperium* (власти), либо победоносного полководца. Понятие *imperator*, конечно, несло в себе военную коннотацию и использовалось, в основном, в солдатской среде – именно легионеры обращались к правителю при помощи данного слова (Cass. Dio. 57. 8. 1–2). Как известно, не все императоры происходили из солдатской среды, поэтому с течением времени слово стало использоваться уже в гражданском контексте. Дион Кассий утверждал, что этот титул обозначал верховную власть (Cass. Dio. 22. 41.) Тем не менее, возможно, солдаты продолжали обращаться к правителям, используя это слово, чаще, чем другие. Титул не обозначал абсолютного подчинения, вопреки мнению Э. Гиббона [3, с. 536] (солдаты, в конце концов, были не более во власти императора, чем другие римляне, а в некоторые периоды, возможно, и гораздо меньше), но относился к языку военного лагеря [26, р. 103].

Для Диоклетиана данный титул являлся одним из важнейших: из 484 надписей, отражающих титулатуру римских правителей в период с 284 по 305 гг., 365 содержат имя *imperator*, т.е. 75 %. Встречается титул повсеместно как на Западе, так и Востоке: в Ахее (EDCS-08200247); в Египте (EDCS-21200081); Азии (EDCS-70200477); Нумидии (CIL VIII 10184); Риме (CIL VI 40715) и т. д. Интересно, что титул *imperator* фигурирует вместе с понятием *Caesar* (EDCS-12300360; AE 1994, 00536; AE 2008, 01193; AE 1984, 00829a), несмотря на новое значение этого слова в период

тетрархии. То же самое прослеживается и в нумизматике: достаточно часто монеты содержат аббревиатуру IMP CC (RIC VI 17a; RIC VI 23a; RIC VI 45a; RIC VI 23a).

Однако уже при Константине заметна тенденция к сокращению использования оборота *imperator caesar*, и вообще титула *imperator*: из 803 обнаруженных нами надписей периода с 305 по 337 г только 357 из них включают понятие *imperator*, а это только 45 %.

В дальнейшем сокращение использования титула *imperator* продолжилось: в период с 337 по 361 г. из 474 надписей только 60 содержат это обозначение (12 %), в период с 363 по 395 г. из 494 – 54 (11 %), с 395 по 425 г. из 318 – 9 (3 %), а с 425 по 455 г. из 121 – 4 (3 %).

Эта же тенденция прослеживается и в нумизматике: в период правления Диоклетиана аббревиатура IMP встречается в 299 случаях из 325, что составляет 95 % монет. При Константине (с 305 г.) данное обозначение фигурирует в 438 случаях из 1277 (34 %), причем, в период с 305 до 319 г. В более позднее время упоминание IMP на монетах отсутствует.

Таким образом, титул *Imperator* активно использовался Диоклетианом, однако уже Константин постепенно отказывался от него. Исчезновение титула *Imperator*, на первый взгляд, может свидетельствовать о прекращении ведения военных действий самим правителем, однако для IV в. такое утверждение не соответствует действительности, поэтому, возможно, власть императора сама по себе лишалась военных коннотаций и ориентировалась на другие основания. Система тетрархии строилась на меритократическом принципе: императором становился заслуженный государственный деятель, уже получивший некоторое признание в Риме в первую очередь за счет ведения военных действий (*Aug. Vict. Caes.* 39.17–24; *Eutrop.* 9.22.1) [29, p. 58 – 67; 38], а Константин был провозглашен августом в 306 г. сразу после смерти своего отца, не успев достичь определенных заслуг на военном поприще, следовательно, не приобрёл права именоваться императором. Вследствие этого его политика легитимации строилась на династическом принципе, и свою власть он обосновывал родством с Максенцием Хлором [18, p. 247; 46, p. 62 – 63; 31; 9], поэтому, возможно, ему не было необходимости заострять внимание на полководческих талантах.

Титул *augustus* происходит от глагола *augere* (увеличивать) и обозначает «возвеличенный богами» или «податель благ: тот, кто возвеличил свое государство» [8, с. 309]. Это имя сопровождало императоров со времен Октавиана Августа и занимало одно из важнейших мест в титулатуре императоров. Однако при Диоклетиане слово «август» приобрело новое значение в контексте созданной им системы. Т. Моммзен связывал вы-

деление титула *augustus* с тем, что старая трёхчастная форма титулования (*imperator caesar augustus*) слишком откровенно указывает на статус должностного лица [10, с. 419].

Империя была поделена между двумя правителями, которых именовали августами. Они через усыновление обозначали своих наследников, которых нарекали цезарями, при этом полностью контролируя их. Особенностью являлось то, что отныне титул август символизировал наличие верховной власти у императора, которой не обладали цезари [21, p. 31-33; 6; 16; 51; 38]. В отличие от остальных титулов, имя *augustus* встречается почти на всех надписях и монетах (CIL III 13578; EDCS-17701278; AE 1993, 01158; AE 1984, 00808; RIC V 280; RIC VI 294; RIC VI 29a). Тем не менее вряд ли титул занимал главенствующее положение, поскольку замыкал перечень наименований императора, уступая эпитетам *pious*, *felix*, *invictus*, что отражено на монетах. Иногда к титулу *augustus* добавлялся эпитет *semper* (CIL V 02818; AE 2009, 01116).

В отличие от «*imperator*» имя *augustus* в титулатуре Константина сохранило свое положение и упоминалось либо совместно с титулом *dominus noster* (CIL XI 06652; EDCS-08201028), либо *imperator* (EDCS-17700798; CIL III 14150). Последний гораздо чаще стал дополняться эпитетами *perpetuus* (вечный) и *semper* (постоянный). Примерами служат: надпись с острова Сардиния, датированная 312 – 324 г. и сделанная в честь победы Константина над Максенцием (EDCS-09300957), надпись из Мутины (CIL XI 06654), Африки (AE 1978, 00846) и др.

Наследники Константина сохранили имя *augustus* в своей титулатуре. Однако уже при Констанции II наблюдались некоторые изменения в практике его использования. В частности, вместо традиционного оборота *imperator caesar pius felix invictus augustus* стал употребляться в различных незначительных вариациях новый – *victor ac triumphator semper augustus* (CIL V 00859; AE 2006, +00461; EDCS-04700374; EDCS-64700396; EDCS-70800313; AE 1997, 00525).

В целом, в период правления династии Валентиниана надписей, содержащих титулы августа и господина, значительно больше, чем надписей с другими титулами. Появившиеся ранее тенденции также имели место: использовался оборот *victor ac triumphator* (AE 1983, 00576; EDCS-59700162; CIL XIV 00136), эпитеты *semper* или *perpetuus* применительно к *augustus* (EDCS-12700216; CIL XI 06659; AE 1982, 00936)

В период правления династии Феодосия наблюдается та же картина. *Augustus* соседствовал с эпитетами *perpetuus* (вечный) и *semper* (постоянный). В надписи из Далмации, датированной 411 – 415 г., император Феодосий II назван *perpetuus Augustus* (EDCS-28100162). В документе 435 г. из

Нарбонской Галлии Валентиниан III и Феодосий II носят имя *semper augusti* (CIL XII 05494). На фрагменте 406 г. из Лациума Аркадий именуется просто Августом (EDR 119637) – такая форма наиболее распространена. Использование оборота *victor et triumphator* наблюдается в надписи из Кампаны 412 /423 гг. (AE 1975, 00137) и из Рима 402 г. (CIL VI 01192). На диптихе Гонория император, помимо титула *dominus noster*, именуется и *semper augustus*. При этом в нумизматике прослеживается одна устойчивая форма: на протяжении всего рассматриваемого периода на монетах обязательно присутствовало только обозначение AVG (RIC IX 30e; RIC X 29; RIC 2010; RIC VII 34, A; RIC VII 405; RIC VIII 120; RIC VIII 243; RIC IX 23b; RIC IX 15; RIC IX 26b; RIC IX 27b; RIC IX 62a; RIC 65a, B; RIC X 351; RIC X 454; RIC IX 23; RIC IX 63b).

В титулатуре императоров прочное положение занимали эпитеты: *pius*, *felix*, *invictus*. Титул *pius* обозначал благочестие императора и его почтительность к богам, а позднее – к христианскому богу. Это имело огромное значение, поскольку сакральный лидер владел прерогативой в области коммуникации с высшими силами, решая наиболее фундаментальные проблемы римских граждан [14, р. 9]. Обладание благочестием гарантировало успех правителя в его посредничестве со сверхъестественными силами по поводу насущных проблем общества и государства. Например, позднеантичными авторами подчеркивалось ярое благочестие императора Феодосия II (Soz. 9.1; Soc. 7.22). Якобы только оно и позволяло войскам побеждать врагов, когда сам император на поле боя отсутствовал. Сократ Схоластик сообщает, что Феодосий II одними только молитвами помог своему полководцу вырваться из рук неприятеля (Soc. 7.22).

Имя *felix* (счастливый) имело схожий с предыдущим понятием смысл. Наличие у августа «счастья» проявлялось не в его личной безмятежности и радости, а в особом покровительстве богов (или бога), которые обеспечивали императора «счастливыми» обстоятельствами, способствовали его удаче, что как бы проецировалось на всех его поданных.

Для Диоклетиана данные эпитеты оказывались важны, поэтому являлись неотъемлемой частью титулатуры правителей времен тетрархии.оборот *pius felix invictus* встречается на большинстве надписей, где представлена пространная титулатура тетрархов (CIL III 14184; AE 2014, 01228; EDCS-70000001; AE 2013, 01448; CIL VI 31382; EDCS-31900133; CIL V 00030 etc.). Однако в нумизматическом материале встречается только аббревиатура PF или P, а обозначение INV отсутствует (RIC VI 152a; RIC V 134; RIC V 263)

Преемники Диоклетиана в наименовании себя не отступают от тенденций, заложенных основателем тетрархии: и Галерий (EDCS-03700724;

EDCS-04600173; CIL XII 05676; RIC VI 70b; RIC VI 35, B), и Лициний (CIL III 03709; EDCS-29601131; EDCS-10701595; RIC VI 105b; RIC VII 160), и Константин (AE 1915, 00033; EDCS-75300311; CIL V 08065; CIL III 14378a; EDCS-72000110; RIC VI 69c; RIC VII 64) продолжали использовать эпитеты *pius felix invictus* в своей титулатуре. При этом в надписях, посвященных императору Константину, также нередко встречается имя *maximus* (CIL V 00529; EDCS-15000164; AE 2016, 00464; CIL V 08005).

Однако уже при наследниках Константина такие имена почти не употреблялись, что наблюдается и в период правления династии Валентиниана. Как отмечалось ранее, более популярным стал оборот *victor ac triumphator semper (perpetuus) augustus*. Тем не менее, на монетах аббревиатура PF сохранилась и при Констанции II (RIC VIII 172; RIC VIII 272; RIC VIII 305), и при Валенте (RIC IX 3b; RIC IX 29b; RIC IX 15b).

При Феодосии I и его наследниках эпитеты *pius felix invictus* тоже встречаются довольно редко. Однако на монетах аббревиатура PF сохранила свое прочное положение (RIC X 368; RIC X 456; RIC IX 8b; RIC IX 27c; RIC IX 42e; RIC IX 44c)

Нечасто и, как правило, только в городе Риме императоры могли иметь титул *invictus* (CIL VI 41397; EDCS-18100532). До конца IV в. этот элемент был одним из главных, однако в V в. стал в большей степени добавлением к другим обозначениям, как и, например, слово *fortes* (AE 1947, 00185).

В титулатуре Диоклетиана регулярно встречались традиционные республиканские должности, которые во многом потеряли своё функциональное значение в период тетрархии, но, вопреки мнению Э. Гиббона [3, с. 536], ещё какое-то время сохраняли место в титулатуре императора. К таковым относятся: *consul*, *pontifex maximus* (великий понтифик), *tribunicia potestas* (трибунская власть), *proconsul*. Сохранение Диоклетианом в своем официальном имени республиканских должностей является ярким свидетельством преемственности его политического режима по отношению к предыдущей эпохе – принципату, когда титулатура принцепса содержала в себе большое количество республиканских должностей, обозначавших сосредоточение в руках императора функций высшего судьи и главы всего правового порядка, превращение носителя верховной власти в высшую апелляционную инстанцию. Диоклетиан не отказывается от политического опыта предшественников и наследует эту традицию. Доказательствами являются следующие памятники: надпись из Иллирии, датируемая приблизительно 284 – 290 гг. (CIL III 236) и надпись из Петры (EDCS-17100168), созданная в период с 292 по 306 гг. и, в целом, повторяющая вышеназванную; а также другие памятники эпиграфики (EDCS-31700068; EDCS-51500023), хотя их не так много. Кроме того, подобные титулы были запечатлены и на монетах (RIC V 254; RIC V 275; RIC V 285; RIC VI 13).

Помимо обозначения республиканских должностей, Диоклетиан имел титул *pater patriae* (отец отечества) (CIL III 00022; EDCS-24501977; AE 1993, 01158), который также отсылает нас к республиканскому периоду Рима и к ранней империи. Для граждан республики это был самый почетный титул, сообщавший о невероятных благих деяниях, совершённых во имя *civitas* (например, этим титулом обладал Цицерон за заслуги в подавлении заговора Катилины), а императоры стремились получить этот титул, чтобы заявить о своих неповторимых заслугах перед отечеством.

В период правления Константина было создано немало надписей, содержащих упоминание республиканских должностей и почетных титулов: в Каннах (EDCS-08500209); Венозе (AE 2003, 00364); Этрурии (EDCS-78200041); Сардинии (EDCS-76600171) – то есть, в основном, в Италии, где были крепки республиканские традиции, однако на монетах упоминание старых титулов найти уже довольно сложно. При наследниках Константина традиционные имена императора встречаются ещё реже и почти исключительно в Риме (CIL VI 00749).

На общем фоне выделяется император Юлиан (361 – 363 гг.), который сохранил новые тенденции в официальном наименовании правителя, однако привнес некоторое новшество. Он продолжил называться *dominus noster*, использовал распространенные и до него обороты в титулатуре, но при этом вернул в имя императора республиканские должности, титул *pater patriae*, и в целом обозначал себя «вновь обретшим республику» (HD023480). Показательна попытка Юлиана объединить различные традиции [19; 54].

В период правления Валентиниана и Валента также наблюдается апелляция к республиканскому прошлому: Валентиниан и Валент называют себя принцепсами (EDR015961), а также иногда включают в свое официальное имя титул консул (EDR093177; CIL XIV 05238; EDCS-38600420), но только в регионе Лация. Само государство при этом называется республикой, хотя такие примеры довольно редки: они встречаются в надписях, найденных в Италии, Африке и на Балканах. Доминирующее же положение занимают титулы победителя, триумфатора, вечного августа и господина, то есть государство ещё могло по инерции осознаваться как республика, и консул мог восприниматься верховным должностным лицом, однако император в любом случае позиционировал себя правителем, по характеру власти значительно отличавшимся от своих предшественников периода принципата [33; 34; 40; 48; 27].

При Феодосии I и его наследниках наблюдается та же картина – остаются редкими упоминания титулов, имеющих республиканские коннотации. В надписи из Кампании 408-423 гг. Гонорий и Феодосий II названы принцепсами (CIL XIV 04720),

однако подобное наименование императоров не было основным и использовалось только в центральной Италии. В свою очередь титул *consul* встречается на этих же территориях (ILCV 03028a), но значительно чаще в Далмации (CIL III 14306; EDCS-10101265). Возможно, это объясняется преобладанием здесь сенаторского землевладения [25, p. 276 – 288; 32, p. 552 – 557; 22, p. 789–790; 20, p. 93–100, 115–116]. Именно сенаторы являлись носителями преимущественно республиканских ценностей. Во многом восприятие императора в республиканском ключе связано с устоявшимися традициями, характерными для Рима, и постепенным ростом влияния сената в V в. [52, p. 24; 29; 34, p. 185 – 186; 24, p. 197; 27; 47].

В условиях постоянных войн и мятежей, необходимо было подчеркивать военизированный характер власти. В титулатуре встречается 8 победных титулов: *germanicus maximus* (германский величайший), *sarmaticus maximus* (сарматский величайший), *persicus maximus* (персидский величайший), *britannicus maximus* (британский величайший), *carpicus maximus* (карпский величайший), *armenicus maximus* (армянский величайший), *medicus maximus* (мидийский величайший), *adiabenicus maximus* (адиабенский величайший). После завершения военного похода против какого-либо народа император включал в свою титулатуру его название. Победные титулы отражали причастность императора к достижениям римского оружия, они же подчеркивали причастность правителя к армии. Легионы играли большую роль при продвижении нового правителя и в целом легитимизировали его власть [39; 41; 30; 53]. Кроме того, каждое победное имя, предположительно, должно было свидетельствовать об огромной роли правителя в деле возвышения Рима [44].

Императоры III в. включали победные аккламации в свою титулатуру. Это же делал и Диоклетиан (CIL III 00022; EDCS-58800092; CIL VIII 02717). Однако уже ко времени Константина упоминания победных титулов встречаются достаточно редко. Вероятно, это связано с тем, что с середины IV в. титулы *victor* и *triumfator* заменяют их.

Таким образом, ярко прослеживается размеренный характер изменения титулатуры в период с 284 по 455 гг., преемственность которой с эпохой принципата, особенно во времена Диоклетиана, хорошо просматривается. Титул *dominus noster* постепенно вводился Диоклетианом в титулатуру: сначала помещался рядом с *augustus* и вставал в один ряд с традиционным оборотом *imperator caesar pius felix invictus*, а также с победными титулами и республиканскими должностями.

Ко времени правления династии Константина стало значительно меньше упоминаний республиканских должностей, а титул *dominus noster* начал выходить на первый план, все чаще

появляясь на монетах. При этом исчез оборот *imperator caesar* отчасти по причине того, что Константин собственную систему легитимизации власти не выстраивал исключительно на военной основе. Традиционные элементы титулатуры стали уступать свои позиции. Некоторые атрибуты императора (например, титул *pater patriae*) вышли из оборота, но появились новые: эпитеты *victor* *ac triumphator*, *semper* и *perpetuus*. Таким образом, тенденции, заложенные Константином (а не Диоклетианом), продолжались вплоть до конца правления династии Феодосия.

Возможно, использование оборота *victor et triumphator* заменяло собой ранние эпитеты *pious*, *felix*, *invictus* и даже титул *imperator*. Такое подчеркивание важности триумфа императора и его побед тесно перекликается с идеями театрализации власти в Поздней античности: триумф (или ритуал *adventus*) становился своего рода произведением искусства, перекликающимся с монетами, ко-

лоннами, статуями, рельефами, портретами [42, р. 55], а также с самим именем императора. При этом данные ритуалы демонстрировали не столько отдельного императора, сколько обезличенную, абсолютную власть, обитающую в теле императора [42, р. 55]. Таким образом, происходило смещение акцента с возвеличивания императора при помощи конкретных эпитетов на исполнение ритуала, который отражал наличие у императора власти. В этом же ключе следует рассматривать и остальные закономерности, связанные с титулатурой. В частности, упоминание *semper* и *perpetuus* применительно к титулу *augustus* подчеркивало вневременность императорской власти – она не зависела от властвующего лица, а пребывала всегда. В свою очередь титулы *dominus noster* и *augustus* являлись свидетельством наличия у императоров власти, поэтому остальные титулы оказывались избыточны – этим объясняется сужение императорской титулатуры.

Список литературы

1. Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Москва, 1995. 656 с.
2. Виллелмс П. Римское государственное право. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1890. 434 с.
3. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: В 7 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 2008. 640 с.
4. Егоров А. Б. Проблемы титулатуры римских императоров // Вестник древней истории. 1998. №2. С.161 – 172.
5. Егоров А. Б. Римское государство и право. Эпоха империи: Учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2013. 248 с.
6. Князький И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира. СПб.: Алетейя, 2010. 144 с.
7. Колтев А. В. *Princeps et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // Древнее право. 1996. №1. С.182 – 190.
8. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л.: АН СССР, 1949. 688 с.
9. Миролюбов И. А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб.: Алетейя, 2021. 224 с.
10. Моммзен Т. История римских императоров. По конспектам Себастьяна Пауля Хензелей 1882–1886 гг. СПб.: Ювента, 2002. 632 с.
11. Покровский А. А. История римского права. Петроград: издание юридического книжного склада «Право», 1917. 430 с.
12. Покровский И. А. История римского права. СПб: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. 560 с.
13. Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М.: МГУ, 1969. 373 с.
14. Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 162 – 177.
15. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т.1. / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1985. С.22 – 105.
16. Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard: Harvard university press, 1982. 328 p.
17. Biletsky N. The Roman Model of Titulature: the process of formation // Ukrainian studies. 2017. No. 4. P.94 – 108.
18. Börm H. Born to be Emperor: The Principle of Succession and the Roman Monarchy // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 239 – 264.
19. Bowersock G. W. Julian the Apostate. London: Duckworth, 1978. 152 p.
20. Brown P. Through the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome and the Making of Christianity in the West 350 – 550 AD. Princeton: Princeton University Press, 2012. 792 p.
21. Cameron Av. The Later Roman Empire, AD 284 – 430. London: Fontana press, 1993. 238 p.
22. Cameron Al. The Last Pagans of Rome. Oxford: Oxford University Press, 2011. 578 p.
23. Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge: Cambridge university press, 2012. 554 p.
24. Corcoran, S. 2006: Galerius, Maximinus and the titulature // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2006. No. 49. P. 231 – 240.
25. Demandt A. Die Spaetantike. Roemische geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. Muenchen: C.H. Beck, 1989. 612 s.
26. Dickey E. Latin forms of address. From Plautus to Apuleius. New-York: Oxford university press, 2002. 428 p.
27. Eich P. The Common Denominator. Late Roman Imperial Bureacracy from a Comparative Perspective // State power in Ancient China and Rome / ed. W. Scheidel. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 90 – 149.
28. Heather P. Senatores and Senates // In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), The Cambridge Ancient History. vol. 13: The Late Empire, AD 337–425 / Eds. Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University press. P.184 – 210.
29. Heather P. The Fall of the Roman Empire. A New History. London: Pan Books, 2005. 592 p.
30. Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. London: Routledge, 2017. 256 p.
31. Humphries M. From Usurper to Emperor: The Politics of Legitimation in the Age of Constantine // Journal of Late Antiquity. 2008. No. 1. P. 82 – 100.

32. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey*. London: Basil Blackwell, 1964. 1515 p.
33. Kelly C. M. *Ruling the Later Roman Empire*. Cambridge: Belknap Press, 2004. 352 p.
34. Kelly C.M. *Bureaucracy and Government // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / ed. Lenski N.* Cambridge: Cambridge University press, 2006. P. 183 – 204.
35. Kelly C.M. *Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 215 – 239.*
36. Kienast, D., Eck, W., Matthaues, H. *Roemische Kaisertabelle. Grundzuege einer roemischen Kaiserchronologie. 6., ueberarb. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2017. 428 s.*
37. Kneissl P. *Die Siegestitulatur der romischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 253 s.*
38. Kolb F. *Diocletian und die erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft. Berlin: De Gruyter, 1987. 213 s.*
39. Lee A.D. *War in Late Antiquity. A Social History. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 308 p.*
40. Lendon J.E. *Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997. 336 p.*
41. Liebeschuetz J. H. W. *East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion. Leiden: Brill, 2015. 477 p.*
42. MacCormack S. *Art and ceremony in late antiquity. Berkeley: University of California Press, 1981. 417 p.*
43. Manders E. *Coining Images of Power. Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, a.a. 193–284. Leiden: Brill, 2012. 363 p.*
44. McCormick M. *Eternal Victory: Triumphal rulership in late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 1987. 472 p.*
45. Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337). London: NCROL, 1977. 657 p.*
46. Mitchell S. *A History of the Later Roman Empire, AD. 284 – 641. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 568 p.*
47. Moser M. *Emperor and Senators in the Reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule Between Rome and Constantinople in the Fourth Century AD. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 434 p.*
48. Omissi A. *Emperors and Usurpers in the Later Roman Empire. Civil war, Panegyric, and the Construction of Legitimacy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 368 p.*
49. Peachin M. *Roman imperial titulature and chronology, a.d. 235 – 284. Amsterdam: Brill, 1990. 515 p.*
50. Potter D.S. *The Roman Empire at Bay AD 180 – 395. New-York: Routledge, 2004. 792 p.*
51. Rees R. *Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 220 p.*
52. Weisweiler J. *Domesticating the Senatorial Elite: Universal Monarchy and Transregional Aristocracy in the Fourth Century AD. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 17 – 42.*
53. Whitby M. *Emperors and Armies, AD 235–395 // Approaching late Antiquity: The Transformation from Early to Late empire / eds. Swain S., Edwards M. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 156 – 186.*
54. Wiemer H.U., Rebenich S. *A Companion to Julian the Apostate. Leiden: Brill, 2020. 481 p.*

References

1. Abramzon M.G. *Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoi imperii (Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire)*. Moscow: Moskva, 1995. 656 p. (In Russian).
2. Villems P. *Rimskoe gosudarstvennoe parvo (Roman law)*. Kiev: Printing House of University named after St. Vladimir, 1890. 434 p. (In Russian).
3. Gibbon E. *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii: V 7 t. T. 1 (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire)*. Moscow: TERRA, 2008. 640 p. (In Russian).
4. Egorov A.B. *Problemy titulatury rimskikh imperatorov (Issues of Titles of Roman Emperors) // Vestnik drevnej istorii. 1998. No. 2. P.161 – 172. (In Russian).*
5. Egorov A.B. *Rimskoe gosudarstvo i pravo. Epokha imperii: Uchebnoe posobie (The Roman State and Law: The Age of Empire)*. St.Petesburg: SpbSU publ., 2013. 248 p. (In Russian).
6. Knyaz'kii I.O. *Imperator Diokletian i konets antichnogo mira (Emperor Diocletian and the end of the antiquity)*. St.Petesburg: Aleteiya, 2010. 144 p. (In Russian).
7. Koptev A.V. *Princeps et dominus: k voprosu ob evolyutsii printsipata v nachala pozdneantichnoi epokhi (Princeps et dominus: on the Evolution of the Principate to the Beginning of the Late Antiquity) // Drevnee pravo. 1996. No. 1. P.182–190. (In Russian).*
8. Mashkin N. A. *Printsipat Avgusta. Proiskhozhdenie i sotsial'naya sushchnost' (August Principate. Origins and Social Essence)*. Moscow-Lenigrad: SA of USSR publ., 1949. 688 p. (In Russian).
9. Mirolyubov I.A. *Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo (The Dynastic Policy of Emperor Constantine the Great)*. St.Petesburg: Aleteiya, 2021. 224 p. (In Russian).
10. Mommzen T. *Istoriya rimskikh imperatorov. Po konspektam Sebast'yana i Paulya Khenzelei 1882–1886 gg. (History of the Roman Emperors. According to Sebastian and Paul Hensel's outline, 1882–1886)*. St.Petesburg: Yuventa, 2002. 632 p. (In Russian).
11. Pokrovskii A.A. *Istoriya rimskogo prava (History of the roman law)*. Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917. 430 p. (In Russian).
12. Pokrovskii, I.A. *Istoriya rimskogo prava (History of the roman law)*. St.Petesburg: Izdatel'sko-torgovyi dom «Letnii Sad», 1998. 560 p. (In Russian).
13. Fedorova E.V. *Latinskaya epigrafika (Latin Epigraphy)*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1969. 373 p. (In Russian).

14. Khachaturyan N.A. Sakral'noe v chelovecheskom soznanii. Zagadki i poiski real'nosti (The sacred in human consciousness. Riddles and the search for reality) // Svyashchennoe telo korolya: ritualy i mifologiya vlasti / ed by N.A. Khachaturyan. Moscow: Nauka, 2006. P. 162 – 177. (In Russian).
15. Shtaerman E. M. Ot grazhdanina k poddannomu (From citizen to subject) // Kul'tura Drevnego Rima. Vol. 1. / ed by E. S. Golubtsov. Moscow: Nauka, 1985. P.22 – 105. (In Russian).
16. Barnes T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Harvard: Harvard university press, 1982. 328 p.
17. Biletsky N. The Roman Model of Titulature: the process of formation // Ukrainian studies. 2017. No. 4. P. 94–108.
18. Börm H. Born to be Emperor: The Principle of Succession and the Roman Monarchy // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 239–264.
19. Bowersock G.W. Julian the Apostate. London: Duckworth, 1978. 152 p.
20. Brown P. Through the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome and the Making of Christianity in the West 350–550 AD. Princeton: Princeton University Press, 2012. 792 p.
21. Cameron Av. The Later Roman Empire, AD 284 – 430. London: Fontana press, 1993. 238 p.
22. Cameron Al. The Last Pagans of Rome. Oxford: Oxford University Press, 2011. 578 p.
23. Cooley A.E. The Cambridge Manual of Latin Epigraphy. Cambridge: Cambridge university press, 2012. 554 p.
24. Corcoran, S. 2006: Galerius, Maximinus and the titulature // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2006. № 49. P. 231–240.
25. Demandt A. Die Spaetantike. Roemische geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. Muenchen: C.H. Beck, 1989. 612 s.
26. Dickey E. Latin forms of address. From Plautus to Apuleius. New-York: Oxford university press, 2002. 428 p.
27. Eich P. The Common Denominator. Late Roman Imperial Bureacracy from a Comparative Perspective // State power in Ancient China and Rome / Ed. W. Scheidel. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 90 – 149.
28. Heather P. Senatores and Senates // In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), The Cambridge Ancient History. vol. 13: The Late Empire, AD 337 – 425 / Eds. Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University press. P.184 – 210.
29. Heather P. The Fall of the Roman Empire. A New History. London: Pan Books, 2005. 592 p.
30. Hebblewhite M. The Emperor and the Army in the Later Roman Empire, AD 235–395. London: Routledge, 2017. 256 p.
31. Humphries M. From Usurper to Emperor: The Politics of Legitimation in the Age of Constantine // Journal of Late Antiquity. 2008. №1. P. 82–100.
32. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284 – 602. A Social, Economic and Administrative Survey. London: Basil Blackwell, 1964. 1515 p.
33. Kelly C. M. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge: Belknap Press, 2004. 352 p.
34. Kelly, C.M. Bureaucracy and Government // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. Lenski N. Cambridge: Cambridge University press, 2006. P. 183–204.
35. Kelly, C.M. Pliny and Pacatus: Past and Present in Imperial Panegyric. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 215 – 239.
36. Kienast, D., Eck, W., Matthaesus, H. Roemische Kaisertabelle. Grundzuege einer roemischen Kaiserchronologie. 6., ueberarb. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2017. 428 s.
37. Kneissl P. Die Siegestitulatur der romischen Kaiser: Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 253 s.
38. Kolb F. Diocletian und die erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft. Berlin: De Gruyter, 1987. 213 s.
39. Lee A.D. War in Late Antiquity. A Social History. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 308 p.
40. Lendon J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997. 336 p.
41. Liebeschuetz J. H. W. East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion. Leiden: Brill, 2015. 477 p.
42. McCormack S. Art and ceremony in late antiquity. Berkeley: University of California Press, 1981. 417 p.
43. Manders E. Coining Images of Power. Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, a.a. 193–284. Leiden: Brill, 2012. 363 p.
44. McCormick M. Eternal Victory: Triumphal rulership in late Antiquity. Cambridge: Cambridge University press, 1987. 472 p.
45. Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC–AD 337). London: NCROL, 1977. 657 p.
46. Mitchell S. A History of the Later Roman Empire, AD. 284 – 641. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. 568 p.
47. Moser M. Emperor and Senators in the Reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule Between Rome and Constantinople in the Fourth Century AD. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 434 p.
48. Omissi A. Emperors and Usurpers in the Later Roman Empire. Civil war, Panegyric, and the Construction of Legitimacy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 368 p.
49. Peachin M. Roman imperial titulature and chronology, a.d. 235 – 284. Amsterdam: Brill, 1990. 515 p.
50. Potter D.S. The Roman Empire at Bay AD 180 – 395. New-York: Routledge, 2004. 792 p.
51. Rees R. Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 220 p.
52. Weisweiler J. Domesticating the Senatorial Elite: Universal Monarchy and Transregional Aristocracy in the Fourth Century AD. // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. / Ed. J. Wienand. New-York: Oxford University Press, 2014. P. 17 – 42.
53. Whitby M. Emperors and Armies, AD 235 – 395 // Approaching late Antiquity: The Transformation from Early to Late empire / Eds. Swain S., Edwards M. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 156 – 186.
54. Wiemer H.U., Rebenich S. A Companion to Julian the Apostate. Leiden: Brill, 2020. 481 p.

Сведения об авторах

Конопаткин Владислав Алексеевич – магистрант кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета / vladgimn93@gmail.com

Адрес: д. 129, ул. Бр. Кашириных, 454001, Челябинск, Российская Федерация.

Скворцов Артём Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук / artyom-skvorcov@yandex.ru

Адрес: д. 2, ул. Университетская наб., 199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Information about the authors

Konopatkin Vladislav A. – Master student of the Department of History of Russia and Foreign Countries, Chelyabinsk State University / vladgimn93@gmail.com

The address: 129, Kashirin Br. str., 454001, Chelyabinsk, Russian Federation.

Skvortsov Artem M. – PhD in Historical Sciences, Researcher in the Sector of Social and Cognitive Problems of Science of St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute of History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences / artyom-skvorcov@yandex.ru

The address: 2, Universitetskaya Nab. str., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.